

А. С. Бухов

Жуки на булавках

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б94

Б94 **Бухов А.С.**
Жуки на булавках / А. С. Бухов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 214 с.

ISBN 978-5-4241-3120-2

В сборник вошли ранние рассказы 1912–1918 гг. и рассказы 1928–1936 гг.,
а также рассказы из журналов и газет.

ISBN 978-5-4241-3120-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Аркадий Бухов
Жуки на булавках

Из ранних рассказов

Из сборника «Жуки на булавках» 1915

Первый опыт

I

Однажды меня позвали ехать на бега. Так как это предложение исходило от лиц, которым я ничего плохого не сделал, мне оно не показалось планомерным и заранее обдуманным вовлечением в невыгодную сделку. Говорят, что в первый раз это не кажется никому.

Один из убеждавших меня людей хорошо знал лошадей. Когда он говорил о них, казалось, что он провел все свое детство в беговой конюшне, умеет быстро сойтись с любой, даже самой замкнутой, лошадью и выведать от нее беговую тайну завтрашнего дня. Порой я даже удивлялся, почему у него еще не вырос хвост.

— Ты понимаешь: приходишь ты на бега, ставишь на лошадь десять рублей, и представь себе твое удивление, когда тебе выдают сто сорок рублей.

— Это будет даже не удивление, а вернее — радость, — согласился я, — тем более, если можно будет поставить еще...

— Ну конечно, можно... А больше поставишь — больше и дадут...

Признаюсь, что у меня даже мелькнула мысль о застойном состоянии нашей промышленности, раз есть такая область, где каждые десять рублей охотно оцениваются суммой в четырнадцать раз большей, тем более без всякого применения физического и умственного труда.

— Будешь сидеть и смотреть, а тут тебе деньги...

— Я понимаю, что мне самому бегать не придется... Я не настолько жаден, чтобы увеличивать свой заработок трехверстным пробегом. Но неужели это так?...

— Да, только поедем... Ты сам увидишь... У меня есть верные лошади.

— То есть как верные?

— Да так уж, верные. Не выдадут.

Было похоже, что меня зовут на какое-то темное дело, где верные сообщники обещались не выдавать. Это давало богатую пищу моей любви к необычайным происшествиям, но мало говорило чисто практическим соображениям.

— Все-таки, может быть, ты объяснишь...

— Вот привязался, право... Мне жокей говорил...

— Ах, жокей... А что же, жокеи тоже бегают?

— Еще острит. Не жокеи бегают, а лошади.

— Знаешь, если бы тебе сказала сама лошадь, я был бы спокойнее.

Все-таки я поехал.

II

Около входа на места резко обнаружилось мое первое незнакомство с бего-

выми обычаями.

– Пойди отдан в кассу три рубля, – сказал мне один из близких.

– Как же это так, – поморщился я, – еще не видел ни одной лошади, а уже отдавай... На какую же ставить?

– Фу-ты, дурак... Это же за себя.

Я испуганно посмотрел на своего спутника и хмуро полез за деньгами.

– Я лучше за тебя поставлю. Ты здесь свой человек. Я проиграю.

Через несколько минут я понял, что это брали за право попасть на те места, где выдают вместо десяти рублей сто сорок. Это была выгодная комбинация, против которой протестовать было нелепо...

Из какого-то уголка, приветливо прижатый группой разговорчивых людей к стене, я смог сразу осмотреть весь ипподром, по которому мирно и спокойно ездили на лошадях люди, одетые в куски самых разнообразных материй. Так приблизительно одевают к маскараду молодых людей провинциальные костюмеры, у которых все уже разобрано и для шестерых желающих остались только костюм Офелии, розовое домино и два рыжих парика.

В жизни жокеи одеваются значительно скромнее и выдержаннее. Многие из них, заходя даже запросто к знакомым, не надевают красных шапок и зеленых штанов.

– Ты видишь эту лошадь?

– Вижу. Черная?

– Черная. Пятый номер. На нее и ставь. Выиграет.

– Именно эта? Черная? Ты это верно?

Я посмотрел на лошадь. У неё был простодушный вид, совершенно не подчёркивающий ее желания оказать мне небольшую денежную услугу.

– Значит, она наверняка?..

– Ну, еще бы...

Тон у него был настолько уверенный, что я перестал сомневаться. В конце концов, у лошади не может быть человеческой страсти насолить малознакомому и остаться последней только для того, чтобы посмеяться потом с другой лошадью над моей недальновидностью. Я вспомнил, что в специальных трудах я не встречал таких примеров в описании лошадиного характера. Деньги в кассе тотализатора у меня взяли охотно, что еще раз в моих глазах подчеркнуло теплое доверие, которое мне оказывала администрация бегов.

– Ну что, взял?

– Взял. Можно пойти получать? Это из той же кассы?

– Что получать?

– Сто сорок рублей. Ты же сказал...

– Погоди, брат, побегут, потом получишь...

Эта система расплаты мне не понравилась сразу.

– После народа много будет у кассы. Не дотолкаешься. Может, хоть половину сейчас выдадут.

– Начали, начали, смотри...

Я стал смотреть. Бежали семь черных лошадей и одна серая. Какая из них была моя, я догадаться не мог. Бежали долго. Кто-то вытащил из-под меня стул, стал ногами на кончик моего пальто и замахал над самой головой биноклем.

– Где же моя лошадь? – тревожно спросил я спутника.

– Бежит, бежит, не мешай...

Чувствовать, что какая-то лошадь везет сто сорок рублей, принадлежащих лично мне, и не знать, какая она, – это может сильно влиять на настроение. Никаких разъяснений я не мог добиться до самого последнего мгновения, пока человек, отнявший у меня стул, не соскочил с него и, посмотрев на своего соседа, хмуро процедил:

– Идиот... Тоже, советчик...

– Ну, теперь можно идти получать? – заискивающе спросил я спутника, – все прибежали...

– А ты на какую ставил?

– На черную. У меня даже билет есть. Хочешь – покажу?

– Черных много. А твоя – того, брат...

– Что – того... Я не понимаю этих беговых терминов...

– Не пришла, и все.

– Как так не пришла? Что же, ее в дороге потеряли, что ли? Или домой завтракать уехали? Я пойду получать...

– Не ходи, – сухо заметил спутник, – не стоит. Разве кто-нибудь билет обронил...

В кассе мне выдали обратно билет и просили не мешать. Вторичное предявление того же билета в другом окошечке вызвало более резкий и ярче выраженный отпор моим вполне искренним попыткам оправдать обещание, данное мне спутником еще до бегов, о ста сорока рублях.

Если это была шутка – то я мог бы за нее не платить десяти рублей, тем более постороннему человеку, сидящему в кассе. Если это ошибка моего приятеля и лошади, то пусть они делят мои расходы пополам: я не хочу отвечать за чужие ошибки.

Поэтому я довольно сухо протянул своему спутнику руку и сказал, что еду домой.

– Постой, постой... Куда же ты?..

– Да так, знаешь, домой. Повеселился, и будет.

– Ну брось... Сейчас одна лошадь будет бежать...

– Совсем одна? Эта уж наверное первой придет...

– Нет, не в том дело... Я хочу сказать, что она такая...

– Верная?

– Верная.

– Ну, прощай, я пошел...

– Да нет же... Ну поставь на эту. Я тебе ручаюсь.

Я поставил новых десять рублей и стал сам внимательно следить за лошадью. Это было добросовестное животное, по-видимому, решившее поддерживать мнение о себе моего приятеля. Она сразу оставила сзади себя всех остальных лошадей и только уже около призового столба, экономя силы для другого заезда, пришла пятой.

И на этот раз мой билет, как актерская контрамарка при полном сборе, оказался недействительным. Этим же свойством обладал и билет моего спутника, взятый на другую лошадь, отставшую от моей всего на несколько сажен.

– Ты видишь, – ласково сказал он, не выдерживая моего взгляда, – и я же проиграл.

— Видишь ли, — раздраженно ответил я, — на моих глазах людей переезжало поездом, однако я никогда не утешался этим, когда мне наступали на ногу...

— Да, ты прав, но лошадь же была верная... Это простой сбой...

— Принимая во внимание мое полнейшее незнакомство в этой области, — сдержанно, но сухо ответил я, — ты можешь мне объяснить, что лошадь треснула по ватерлинни, что у нее лопнул пропеллер или что у нее соскочили подшипник и маховое колесо, — я все равно не пойму. Тем не менее я ухожу домой.

— Ну иди... Если ты такая свинья...

— Послушай... Мне это стоило двадцать рублей... Где же мои двести восемьдесят?

— Получиши...

— Может быть, мне их дадут в другом месте, я тогда лучше поеду туда...

— А хоть ко всем чертям...

После этого или перестают подавать руку, или молча вздыхают и остаются.

Слабость была и будет одной из отрицательных черт моего характера.

— На какую же ставить?

— Выбери сам...

— У меня совсем нет знакомства в этом кругу... Вот на эту, пожалуй, поставлю... Видишь, вот эта ходит, я на нее хочу...

— На эту нельзя...

— Неужели она тут так попусту бегает... Зачем же ее пустили, если на нее и ставить нельзя... Это жульничество...

— Ставить-то можно. Дураки ставят. Только не возьмет. Разве такие берут?..

Я посмотрел на лошадь. Ничего опорочивающего в ее наружности не было. У ней было на месте все, что только может пожелать любая лошадь, берущая призы.

— Может, ты знаешь о ней что-нибудь? Ты скажи. Это останется между нами...

— Да разве такие берут, — иронически усмехнулся он, — а если и придет, так с тебя же еще возьмут деньги...

— Что же это — штраф, что ли? — испуганно спросил я, с презрением взглянув на редкую лошадь.

— Не штраф, а так... Дураки на нее ставят... На Бабочку ставить... Тоже...

— Слышал, слышал... А на какую же?

— Ставь на четвертый номер... Верные деньги.

— Я знаю, что верные... Хорошо, если только не с меня...

Я пошел и безропотно поставил на указанный номер.

— Ты знаешь, это интересно, — сказал я, возвратившись, — я непременно буду смотреть за этой вот, о которой ты говорил... Интересно посмотреть потом на физиономии этих дураков, которые на нее поставят... Ругаются, наверное...

— На то они и дураки, чтобы ругаться, — весело подтвердил мой спутник, — а вот как мы с тобой схватим сейчас...

Лошадь, на которую ставили дураки, действительно вела себя непозволительно. С первого же момента заезда она стала отставать от других, догонять, вмешиваться в общую кучу, выбиваясь из сил и мотая головой.

Я искренне смеялся, чувствуя в душе благодарность к человеку, выручившему меня советом от такого неосторожного шага, как ставка на нее лишних десяти рублей...

Перестал я смеяться только тогда, когда эта смешная лошадь пришла первой. Через несколько минут я увидел небольшую группу дураков, игравших на ней, которые отходили от кассы с горстями бумажек. Выдавали им около шестисот рублей.

— А они берут — эти вот... дураки, — надтреснуто шепнул я спутнику, — по шестисот...

— Берут, — уныло ответил он, — верная лошадь...

— А когда я хотел на нее ставить, — желчно спросил я, — что ты тогда изволил...

— Да разве на такую лошадь...

— А если вот за нее теперь такую сумму...

— Верная лошадь...

— Да... Вот что... Верная?! Знаешь что, голубчик, ты ко мне хотел завтра, кажется, зайти? Да? Хотел? Да?

— Ну хотел, предположим...

— Ну, так извини... Только уж меня дома не будет...

— Видишь ли, я, собственно...

— Может быть, ты через день хотел? Может, на будущей неделе? Может, через месяц? Все равно меня не будет... Прощай...

III

Я никогда больше не поеду на бега... Позволить брать с себя какие-то деньги, зависеть от лошади... Я даже не понимаю, как культурный человек может опуститься до того, чтобы сидеть и лихорадочно ждать, когда ему выдадут за десять рублей сто рублей лишних.

Хорошая книга любимого автора, серьезная пьеса или разговор с людьми, которых ценишь и уважаешь, вот что должно заполнять жизнь, отданную кропотливой умственной работе.

Только в четверг съезжу. Говорят, что выдачи будут большие и лошади есть верные. Надо же отыграть проигрыш.

1915

Непосредственная натура

I

Судьба сталкивала меня с глупыми будничными женщинами, повисающими тупыми тяжелыми жерновами на покорной мужской шее: твердость характера и уменье заглядывать вперед спасали меня в этих случаях, не оставляя в душе ничего, кроме тихой робости перед новыми знакомствами.

Та же судьба столкнула меня всего один раз с незаурядной, полной своеобразной оригинальности и непосредственности женщиной. Если бы я описал мою встречу с ней как рыцарский поединок двух натур, я должен был бы сказать о себе в третьем лице небольшую и красивую фразу из старых романов: он вышел на бой с открытым забралом, а через неделю его ноги все еще торчали из придорожной ямы, пугая прохожих...

Может быть, вы поймете меня, если услышите обо мне, что я часто, не счи-таясь с приличиями, даже в малознакомом доме неожиданно встаю из-за стола,

молча прощаюсь с хозяевами и перестаю бывать совсем. Каждый раз это происходит, когда ко мне подходит кто-нибудь с любезной улыбкой и предлагает:

— Хотите познакомиться с ней?.. Удивительно интересная женщина. Такая оригинальная, непосредственная...

— Вы хотите сказать, что в ней этой мещанской робости, этого буржуазного страха перед...

— Ну, да, да... Конечно. Она умна и смела, она...

— Она говорит правду в глаза, умеет бороться с недоумевающими взглядами, она привыкла...

— Честное слово, такая... Прямо даже поразительно.

— Это очень хорошо. Очень, очень. Прощайте. Меня ждут.

— Как ждут? Куда? Вы же обещались сегодня.

— Сначала обещал, а теперь ждут. После увидимся...

— Куда же вы... Вы, может, обиделись... А познакомиться?..

Куда же? Странный молодой человек... Ушел... А почему?

II

Если бы я сделал это и в тот раз, никто ничего не потерял бы, но я почему-то любезно поклонился хозяину, поблагодарил его и подошел с ним к Наталье Михайловне.

— Очень приятно.

— Что приятно-то? – с иронической улыбкой спросила Наталья Михайловна. – Разве вы сами попросили познакомить вас?..

— Нет, но все-таки...

— Ну, будет, не ханжите. Вас вот предо мной познакомили с какой-то старой напудренной лошадью, и вы ей, наверное, тоже сказали, что вам это очень приятно...

— Сказал, ей-богу, сказал, – восхищенно поддакнул хозяин, зацепившись за какого-то другого гостя, – ну и молодец Наталья Михайловна... Я уж пойду, вы займитесь...

— Жаль, – посмотрела ему вслед Наталья Михайловна, – образованный мужчина, красивый довольно, а дурак.

— Ну, что вы, – нерешительно запротестовал я, – наш милый хозяин...

— Ах, вот почему... Значит, если бы я была у вас в гостях, я и о вас не могла сказать то же самое...

— Мне кажется, что...

— Вам кажется, что вы умный?.. Да?

— То есть как? – удивился я неожиданному обороту разговора, – я думаю, что...

— А мне вот не кажется.

Она с любопытством посмотрела мне в глаза. Я тоже посмотрел на нее. У нее было довольно красивое смуглое лицо, серые глаза и четкие белые зубы: женщине это дает право говорить глуповатые грубости, и я не стал уверять ее в положительности моих умственных качеств.

— Да вы не обижаетесь?..

— Помилуйте, что вы... Напротив...

— Даже напротив... Следовательно, если бы я назвала вас умным, так вы...

Да чего там. Пойдемте, что ли, ужинать... Там зовут уже...

За ужином мы сидели рядом. Все время Наталья Михайловна убивала меня неожиданностью суждений по поводу каждого моего слова и самого незначительного поступка. Даже по поводу какого-нибудь простого предложения рыбного салата она умела бросить фразу, сразу раскрывающую предлагающему всю безыдейность его поступка и его незавидную роль в качестве добровольного лакея дамы, которая и сама прекрасно может взять, что ей захочется.

Я даже с некоторым опасением подумал о той легкости и радушии, с которым другие гости уступили мне соседство с такой красивой и неглупой женщиной.

— Вам, кажется, скучно? — вскользь спросила она, понюхав кусочек колбасы и брезгливо кладя ее на тарелку, — несвежая... хорошая дорогой, наверное, показалась... Скучно? И мне тоже... А вот сказать вслух вы бы, наверное, постеснялись...

— Ну, еще бы, — с удивлением отозвался я, — Иван Ильич мой приятель, жену его я девочкой еще знал...

— Такая же дура была?..

— Она совсем не такая, как вы думаете... Я их очень люблю... И они меня...

— Ну, тоже... Сидят и думают, наверное, что вы лишний рот за ужином... И тоже боятся сказать. Вот вы, наверное, сегодня бы сумели лучше провести время?..

— Да, собственно, звали меня в одно место...

— Я и говорю. Веселились бы там, а здесь зеваете, а сказать трусите...

— Видите ли...

— Трус, трус, трус...

— В чем дело? — с любезной улыбкой вмешалась хозяйка. — За что это вы его?

— Да у нас тут спор один...

— Какой? Ну, скажите... скажите, — с плохо сделанным любопытством пристал кто-то из гостей.

— Дело в том, что вот он... Сказать? — насмешливо посмотрела она на меня.

— Ну, что вы? — тревожно вырвалось у меня. — Пожалуйста, я прошу вас, не надо, пожалуйста...

— Ага, трусишка... Да так, пустяки... Дело в том, что мосье Пилкову очень скучно... Он сегодня был зван на один вечер, отказался, а теперь сидит здесь, скучает, а сказать...

Я опустил глаза, не решаясь их поднять на окружающих.

— Мне кажется, что он мог бы сказать это заранее, — сухо отзывалась хозяйка, — кроме этого, я не смею...

— Ради бога, Марья Никифоровна... Я пошутил, — убито и сконфуженно сказал я, — то есть я даже не сказал...

— Да мы никогда никого и не задерживаем, — вскользь заметил Иван Ильич, пододвигая кому-то пепельницу, — спички тут же...

Я густо покраснел и не знал, что делать.

Наталья Михайловна уже разговаривала с кем-то другим. Смузено оглядев присутствующих, я увидел упорно опущенные взгляды и очень незначительный процент сочувствующих.

Кажется, что после меня остались играть в карты. Провожал меня в прихожей хозяин, сухо пожавший руку и уклонившийся от обычного предложения заходить чаще. Наталья Михайловна вышла тоже и сказала, что если я не врал, приглашая

ее завтра пойти со мной в театр, – то она с удовольствием. Позвонит сама. Телефон мой найдет в книжке. Если я обиделся, она даже извиняется. Мало ли есть глупых людей, которые думают, что извинение сглаживает все.

III

– Вас там любовница к телефону спрашивают, – недовольно сказала кухарка.
Мой собеседник, малознакомый артист, икоса поглядел на меня и игриво улыбнулся.

– Ого... здорово...
– Какая любовница, – сконфуженно пробормотал я, – это что такое...
– Идите, идите, кто без греха...
Я подошел к телефону.
– Это я. Здравствуйте.
– Наталья Михайловна?

– Ну да. Вас, наверное, удивило... Что? Ну, что же я могла сказать. Говорю – знакомая. Та, эта ваша идиотка... Может, это ваша жена? А я думала, что жена. Как фамилия, да как доложить, да по какому делу... А я думаю, скажу что-нибудь такое, чтобы сразу передала... Вы еще не раздумали? Значит, едем? Ну, так я вас буду ждать в театре... У меня сегодня бешеное настроение, хочется смеяться, веселиться, прыгать... Получила одно письмо... Значит, жду. Пока.

Я оделся и с нехорошим предчувствием поехал в театр. Пока я одевался, за стеноей старушечий монотонный голос сверлил тишину.

– Ишь ты... Половиков в передней нет, а он по любовницам шляется... Звонит, дрянь такая... Полюбовница, говорит, доложи поди... А если я тебя мокрым полотенцем по роже? Может, я чиновничья дочь, а ты полюбовница... Теперь жалованье-то тю-тю... Все к полюбовнице снесет на кофеи да цветы... В трубку-то срамные словища говорить мастерица, а у самой, чай, белье штопано...

– Так и сказать, – мрачно раздался вопрос пред моим уходом, – если опросит кто, что, мол, к полюбовнице уехал?

IV

Во время первого действия пьесы, по-видимому, мало занимала Наталью Михайловну.

– Вы знаете, – шепнула она, – я бы сейчас кататься поехала лучше... Да вы не бойтесь, я не зову вас... Знаете, с песнями, как в деревне... Ну, да эх, вы, затлетные, эх, вы мои...

– Тише, – сдержанно попросил ее сосед, нервно комкая программу, – здесь, кажется, театр...

– Что вы? – насмешливо спросила его Наталья Михайловна.
– Глупо, – зашипел сосед. – Очень даже глупо, барышня.
– Я дама, – в тон ему ответила она и подтолкнула меня ногой, – злится.
– Я бы вас просил мне не мешать... Приходят тут какие-то...
Я безумно не люблю скандала, особенно в театре, где каждый нарушающий тишину, будь это даже человек, которого посадили на отточенную бритву, в глазах соседей кажется пьяным буйном. Но положение создалось такое, что мое вмешательство становилось необходимым...

– Я просил бы вас осторожнее...